

Часть неофициальная.

Крестьянинъ — герой.

(Къ годовщину мученической кончины Стефана Веремчука).

† 9 сентября 1915 года.

I.

Небольшая деревушка Баболоки ничѣмъ не отличается отъ сотенъ такихъ-же волынскихъ деревень, живописныхъ, какъ и всѣ почти мало-россійскія села, убогихъ, какъ и всѣ русскія деревни. Не встрѣтите вы здѣсь, конечно, ни каменныхъ зданій, ни жестяныхъ крышъ, ни мостовыхъ, ни даже кладочекъ, по которымъ бы вы перебрались въ грязную осеннюю непогоду или въ весеннюю распутицу. Не найдется здѣсь ни одного хозяина, который бы похвасталъ даже такимъ скромнымъ капиталомъ, какъ тысяча рублей. Двѣсти—триста рублей, можетъ быть, у одного на все село найдется.

Зато другое богатство, некрадимое, болѣе высокой цѣнности, накопилось здѣсь подъ соломенными стрѣхами, у жителей этихъ мазанокъ, живописно раскинувшихся вдоль лѣваго берега Иквы: богатство духа, красота душевная, чистота сердечная, простота свято-русская, любовь къ Родинѣ, вѣрность Царю русскому, преданность завѣтамъ Церкви Православной, преданность обычаю крестьянскому и родной землѣ. Незамѣтная въ мирное время эти качества во всемъ блескѣ обнаружилась въ дни величайшей изъ войнъ, выдвинувъ въ лицѣ Стефана Веремчука славнаго крестьянина—героя новаго подвижника-страдальца за Царя и Отечества, достойный стать рядомъ съ Иваномъ Сусанинымъ, Архиповымъ, В Рябовымъ и имъ подобными.

Не радостно и не безмятежно было дѣтство будущаго героя-крестьянина Стефана Веремчука. Не безпечной и веселой порой жизни было оно для сироты,—а суровой жизненной школой. Не зналъ юный Стефанъ радостей спокойной жизни у родного сытаго очага, не зналъ отцовской ласки и радости беззаботнаго утра жизни. Въ то время какъ сверстники его безмятежно играли въ родственномъ кругу, нашъ мальчикъ широко шагаль по волынскимъ шляхамъ, ведя за руку слѣпую мать, собирая подавня, ночуя гдѣ попало—большею частью на сырой землѣ, питаясь ломтями чернаго хлѣба и остатками отъ обѣдовъ у добрыхъ людей.

Кто изъ насъ не видѣлъ бѣднаго нищаго слѣпца, водимаго за руку мальчикомъ или дѣвочкой-поводыремъ? Чье сердце не вздрогнуло отъ сочувствія малюткѣ, обреченному на суч-

ную, однообразную и тяжелую жизнь поводыря? Кто не замѣчалъ того злобнаго, недовѣрливаго ворчанья, какимъ сопровождаетъ подозрительный слѣпецъ всякое движеніе мальчика. То ему покажется, что мальчикъ утаиваетъ подавня, то ему мерещится насмѣшка надъ собой, то подозрѣваетъ онъ въ каждомъ движеніи поводыря злой умыселъ. Пинки, ругань, щипки—обычная награда сиротѣ отъ „дида“—слѣпца за нелегкій трудъ. Поводырямъ у насъ сочувствуютъ не меньше чѣмъ самимъ „дидамъ“...

На счастье свое Стефанъ Веремчукъ водилъ не чужого слѣпца, а родную мать. Не колотушками она награждала его за весьма тяжелый трудъ, а материнской нѣжностью. Ходятъ они по селамъ родного края, бродятъ усталые по „отпустамамъ“ и ярмаркамъ, зато собравши хотябы небольшой запасъ хлѣба и денегъ, радостно спѣшатъ они въ свои Баболоки, въ домъ пріютившаго ихъ Гиночука и здѣсь отводятъ душу въ любовномъ отношеніи къ себѣ этой милой семьи, въ отдыхъ отъ долгаго хожденія, во взаимной любви и нѣжности. Горячо любила слѣпая мать своего сынка, заботливо охраняла его дѣтскую душу отъ возможныхъ огорченій, нѣжно обращалась съ добрымъ отъ природы мальчикомъ, такъ участливо всегда относившемся къ ней, одинокой слѣпой старухѣ.

Любила Стефана и крестная его мать, жена Гильчука, и старалась своею любовью скрасить тяжелую жизнь поводыря.

Само собою понятны были у Стефана и друзья—пріатели изъ сверстниковъ, изрѣдка бѣгавшіе вмѣстѣ съ нимъ въ ближайшей лѣсѣ за ягодами, барахтавшіеся вмѣстѣ въ рѣкѣ Иквѣ, но не часто ему удавалось играть съ ними и входить въ тѣсныя сношенія: не успѣетъ онъ порядкомъ отдохнуть—и ужъ снова они съ матерью идутъ въ Берестечко, Боремель, Козинъ или Почаевъ, Дубно, Луцкъ. Тяжело Стефану въ пути, трудно иной разъ волочить усталыя ноги, но онъ бодрится, старается быть веселымъ и ободрить мать, а самъ себя утѣшаетъ тѣми предстоящими, ему знакомыми уже по прежнимъ хожденіямъ, радостями, какія даетъ ему достиженіе конечной цѣли путешествія. Придутъ-ли въ Берестечко, въ Дубно-ли, въ Почаевъ—мать усядется при дорогѣ или на паперети храма просить, а Степанко пойдетъ въ народъ, обойдетъ всѣ прекрасныя церкви, разглядитъ всѣ картины и иконы, пройдетъ съ богомольцами въ пещеру къ Преподобному, выберется на высочайшую колокольню, искупается съ мальчишками въ рѣкѣ, заглянетъ на заводъ, фабрику, поберется въ лагери къ солдатикамъ и долго, завистливо смотритъ на ихъ ученье. Очень ужъ нравилась ему джигитовка казаковъ въ Луцкѣ. Какъ очарованный глядитъ на храбреца, исчеза-

ющаго подъ конемъ, поднимающаго съ земли монету, или прокалывающаго на лету пикой мѣшокъ съ соломой.

— Мамо,—говоритъ онъ возвращаясь къ матери вечеромъ,—чего я только не видѣлъ? Вотъ если бы ты могла взглянуть на это все.

И онъ съ восторгомъ говоритъ о церковномъ благолѣпіи Св. Лавры, передаетъ слышанные имъ рассказы о чудесахъ отъ Св. Иконы, о жизни Преподобнаго Іова, о случаяхъ на ярмаркѣ, или рассказываетъ объ удивительныхъ казакахъ,—джигитахъ, а мать слушаетъ сына, нѣжно лаская его, и грустно, тяжело вздыхаетъ. Ей, конечно, очень жаль, что она не можетъ видѣть всего того, что видѣлъ ея сынокъ, но ей еще болѣе грустно отъ мысли, что такой любознательный, впечатлительный и добрый мальчикъ—сирота, быть можетъ, остается безъ своего угла на всю жизнь, безъ всякихъ средствъ къ жизни и даже безъ образованія.

Усталый мальчикъ уже заснулъ, а старуха все еще молится о томъ, чтобы Господь Милосердный послалъ ея сыну лучшую долю.

II.

Такъ незамѣтно проходили весна, лѣто и осень, улетали теплые дни, становилось невозможнымъ хожденіе по непролазной грязи и слѣпая старуха съ сыномъ надолго заживалась у своего кума въ родныхъ Баболокахъ. Лишь изрѣдка въ сухую погоду при легкомъ морозцѣ ходила она съ своимъ неизмѣннымъ спутникомъ Стефаномъ въ родную Величскую церковку, чтобы здѣсь предъ Св. образомъ испросить себѣ у Пресвятой Дѣвы помощь и въ горячихъ слезахъ найти утѣшеніе. А при выходѣ людей изъ храма послѣ службы старуха становилась у порога съ протянутой рукой и не одна добрая душа положила на эту загорѣлую корявую руку посильную жертву. Особенно обильны были пожертвованія, выпадавшія на долю Веремчука въ „поминальные“ дни,—и на „проводы“. Никто не проходилъ мимо нея безъ того, чтобы не положить въ мѣшокъ слѣпой пирогъ или „кнышъ“, яичко или кусокъ сала.

Нашла здѣсь въ Величахъ слѣпая Веремчука и другое утѣшеніе: ея любимый сынокъ-поводырь былъ принятъ въ церковную школу и съ великой охотой принялся за ученіе. Старая и неудобная школа, переполненная дѣтьми была настоящимъ раемъ для любознательнаго мальчика и онъ даже при весьма неаккуратномъ и непродолжительномъ посѣщеніи ея настолько постигъ книжную мудрость, что совсѣмъ оставилъ школу, однѣми своими собственными силами да при помощи сверстниковъ и особенно Моисея Гильчука сталъ грамотнымъ, т. е. могъ расписаться и свободно читать. Но эта грамотность была плодомъ дальнѣйшихъ трудовъ, сейчасъ-же,

въ школѣ Стефана занимала не одна грамота. На него имѣла большое вліяніе школьная обстановка. Ласковый учитель, толпа сверстниковъ, живыя игры, отчасти похожія на казацкія упражненія, видѣнныя въ Луцкѣ, общее пѣніе, дисциплина все это было весьма по душѣ Стефану. Онъ видѣлъ здѣсь въ школѣ что-то больше, чѣмъ простую науку,—онъ чувствовалъ себя здѣсь въ дорогой атмосферѣ общественной жизни, близкой къ любимой имъ военной. И, если бы не печальная необходимость водить мать, онъ несомнѣнно прошелъ бы полный курсъ школы.

Вслѣдствіе той-же необходимости не поступилъ Стефанъ въ музыкальную команду въ Луцкѣ, хотя имѣлъ къ этому сильное влеченіе. Его всегда занимали мальчишки—солдаты-музыканты, съ ними онъ водилъ знакомство. Веремчука уже совсѣмъ было согласилась на опредѣленіе сына въ команду, но односельчане уговорили ее не отсылать единственнаго сына въ отдаленный Луцкъ въ трудную науку съ суровой военной дисциплиной.

Вмѣсто школы и музыкальной команды мать отдала Стефану въ сапожную мастерскую въ Берестечкѣ, гдѣ онъ скоро постигъ несложное ремесло.

Такъ и остался бѣдный поводырь безъ правильной школьной выучки, но это нисколько не помѣшало ему въ духовномъ развитіи. Изъ него выросъ, какъ мы сказали уже, человекъ опредѣленнаго, цѣльнаго здороваго, христіанскаго, русскаго характера, человекъ-богатырь, ставшій гордостью и украшеніемъ всей земли русской. То, чего не успѣла ему сообщить церковная школа,—дала ему родная мать, дала ему Св. Церковь, то ему дала жизнь. богатая впечатлѣніями и нравственно-религіозными уроками.

Отъ матери Стефанъ научился покорности волѣ Божіей, безропотному несенію посылаемыхъ Господомъ испытаній и благожелательному отношенію къ людямъ. Не разъ въ длинный осенній вечеръ, подъ завываніе зимней вьюги рассказывала старуха сыну о своей злой мачехѣ, изводившей ее сироту, своими приставаніями до того, что она отъ непрерывныхъ слезъ ослѣпла; не одинъ разъ мать рассказывала сыну о другихъ, посланныхъ ей Богомъ испытаніяхъ: смерти любимаго мужа, отобраніи родственной земли и т. п. Но не роптала старуха на свою судьбу, не проклинала своихъ недруговъ, лишившихъ ее земли, имущества и даже крова. Смирненно молилась она о прощеніи грѣховъ враговъ своихъ, а добрый сынъ поучался отъ нея важнѣйшей христіанской добродѣтели—любви къ ненавидящимъ и обидящимъ насъ.

Церковь святая воспитывала юнаго Стефана въ любви къ Ея Основателю Христу, въ вѣрности его завѣтамъ, въ почтеніи къ святымъ

угодникамъ, въ нравственной чистотѣ и благочестіи. Но это воспитаніе не было, навязанной насильно религіозной дисциплиной: оно сообщалось мимо воли, незамѣтно для самаго воспитываемаго, красотой храмовъ Божіихъ, всюду разсѣянныхъ на Волыни, блескомъ куполовъ Св. Лавры Почаевской—доброзвучностью ея колокольнаго звона, ласковостью иноковъ Св. Горы, благолѣпіемъ церковной службы, сладостью церковнаго пѣнія. Оно было навѣяно священными изображеніями, оно было внушено житіями и сказаніями о подвигахъ Божіихъ Угодниковъ, оно входило въ плоть и кровь благодаря всему укладу жизни церковно-настроеннаго волынскаго православнаго крестьянства. Кто знаетъ жизнь волынскаго крестьянина, современную намъ, кто знаетъ эту жизнь тридцать лѣтъ тому назадъ, тотъ согласится съ тѣмъ, что эта суровая бѣдная, трудовая жизнь даже теперь, измѣнившаяся подъ вліяніемъ 1904-5 годовъ къ худшему, еще имѣетъ къ счастью самую тѣсную связь съ православною церковью, еще полна святыхъ переживаній, еще можетъ воспитывать всѣмъ своимъ укладомъ въ духѣ христіанскаго благочестія. Нашъ волынскій крестьянинъ еще и теперь блюдетъ завѣты Св. Церкви о молитвѣ и постѣ, о праздникахъ церковныхъ и братской помощи бѣднымъ. Наши убогія крестьянскія избы еще полны святыхъ изображеній, еще благоухаютъ душистой зеленью къ Св. Троицѣ, еще благоговѣйно убраются къ Св. Пасхѣ. Наши милыя святки, наши свадебные, похоронные, крестильные и хозяйственные обычаи и обряды еще долго, Богъ дастъ, будутъ также милы и дороги нашему крестьянству и не скоро еще смѣнятся сектантской сухостью, черствостью и пустотой.

А тридцать лѣтъ тому назадъ вся жизнь крестьянина, какъ семейная, такъ и хозяйственная была еще болѣе полной своеобразной духовной красоты, такъ что не могла она не увлечь впечатлительнаго мальчика, не могла не воспитывать его въ строгой вѣрности всему православно-русскому, всему родному.

III.

Быстро мелькаютъ дни за днями, улетаетъ навсегда золотое дѣтство, проходитъ чарующей сказкой отрочество и наступаетъ пора зрѣлости. Юношескія мечты и увлеченія, такъ свойственныя людямъ интеллигентнымъ, почти не имѣютъ мѣста въ крестьянской средѣ. Конечно, и здѣсь юность имѣетъ много романтическаго, и крестьянину—юношѣ даны благіе порывы, и онъ испытываетъ сладость молодой любви и горечи разочарованій, но какъ все это далеко отъ того, что въ юношескіе годы переживаетъ неустановившійся мятежный духъ интеллигента. Крестьянскій юноша рано созрѣваетъ, такъ какъ

не знаетъ онъ колебаній при избраніи житейскаго пути: онъ идетъ неизмѣнной тропой отцовъ, а вѣрный его спутникъ неизбѣжный физическій трудъ даетъ возможность прилагать избытокъ молодыхъ силъ къ полезному дѣлу, вместо неразумнаго прожиганія ихъ въ водоворотѣ свѣтской жизни.

И молодой Веремчукъ, рано созрѣвшій, рано обогатившійся жизненнымъ опытомъ, не уклоняется отъ трудового пути. Сапожное ремесло мало удовлетворяетъ его подвижную натуру и онъ занимается лишь имъ въ часы досуга. Работаетъ же онъ больше всего у хозяина поденно, изрѣдка въ экономіяхъ у помѣщиковъ, ходитъ на заработки и въ родственную Галицію. Но гдѣ бы онъ ни былъ—онъ не забываетъ свою слѣпую мать и ей уже не приходится ходить за подаваніемъ: сынъ кормитъ ее отъ своего заработка.

Трудолюбивый, набожный, честный и общительный парубокъ, Стефанъ продолжаетъ и въ зрѣломъ возрастѣ быть религіознымъ. Онъ теперь становится дѣятельнымъ богомольцемъ: онъ читаетъ и поетъ на клиросѣ, онъ во всемъ помогаетъ псаломщику и это вызываетъ всеобщее къ нему уваженіе. Всегда трудолюбивый—Стефанъ теперь работаетъ за троихъ, такъ какъ онъ уже рѣшилъ обзавестись своею семьей, ему необходимо построить хотя-бы небольшую избушку а для этого надо судебнымъ порядкомъ отобрать отъ дядей незаконно захваченную отцовскую небольшую долю земли. Определенно поставленная цѣль при настойчивости въ дѣйствіяхъ по достиженію ея, при усиленныхъ хлопотахъ, сопровождающихся общимъ сочувствіемъ односельцевъ, достигается успѣшно и Стефанъ Веремчукъ является уже хозяиномъ небольшого участка земли, на которомъ онъ и создаетъ свою усадьбу.

А въ селѣ Войницѣ сосѣдняго Бокуинскаго прихода онъ уже приглядѣлъ себѣ и подругу жизни—бѣдную дѣвушку Епистимію, охотно согласившуюся раздѣлить незавидную долю бѣдняка.

Разгладились морщины на суровомъ лицѣ старой Веремчучки, когда она поселилась съ любимой невѣсткою въ небольшой собственной избушкѣ, сооруженной трудами Стефана. Хотя и бѣдно жилось имъ, хоть часто не было въ хатѣ щепотки соли, но это все была „байка“. Всѣхъ утѣшало сознаніе „собственности“, это великое святое для бѣдняковъ сознаніе.

IV.

Крестьянское землепользованіе на Волыни еще весьма далеко отъ рациональнаго. Правда, здѣсь уже лѣтъ сорокъ тому назадъ были опыты перехода къ хуторскому хозяйству, но это были частные и мѣстные случаи.

Послѣ извѣстнаго Столыпинскаго закона не одна сотня сель исчезла съ лица земли и превратилась въ ряды роскошныхъ хуторовъ. Но и этотъ переходъ на хутора еще не повсемѣстный. Обычнымъ же явленіемъ на Волыни является еще убогое трехполье со всѣми пережитками старины: совмѣстными пастбищами (толокой), черезполосицей, и „купножитіемъ“, при которомъ и пожары и эпидеміи достигаютъ наибольшей силы. Самымъ же сквернымъ результатомъ трехпольной системы хозяйства является его малокультурность, малопродуктивность. На 1-2 десятинахъ земли, раздѣленныхъ на 20-30 участковъ нечего и думать быть хозяиномъ, въ то время какъ тѣ же 2 десятины въ усадьбѣ могутъ обезпечить большую семью. У Стефана Веремчука было именно такое разбросанное владѣніе. Онъ ясно сознавалъ, что всѣ его труды будутъ напрасными и потому сталъ стремиться приобрести участки земли болѣе или менѣе округлый, который бы позволилъ ему повести правильное хозяйство, могущее обезпечить семью его благоденствіе.

Усилія его увѣнчались успѣхомъ лишь отчасти: земли онъ приобрѣлъ одну десятину съ четвертью, но при этой покупкѣ воцѣль въ долги и о благополучіи пока не могло быть и рѣчи. Между тѣмъ пошли дѣти: 23 января 1908 года родился Макарій, въ 1911 году Леонтій, а за нѣсколько дней до начала войны — Ѳеодоръ. Приходилось Стефану и Епистиміи подумывать все чаще и чаще объ увеличеніи доходовъ и Стефанъ нашъ усиленно трудится, ходитъ и ѣздитъ на заработки, ищетъ земли въ далекомъ Туркестанѣ, куда онъ ѣдетъ по выбору односельцевъ ходокомъ. Въ этомъ отдаленномъ темномъ краю приглядѣлъ было Стефанъ участки для себя и односельчанъ, но всего черезъ двѣ недѣли по возвращеніи его изъ поѣздки вспыхнула война и онъ остался на мѣстѣ. До того ль было теперь, чтобы устраивать свою судьбу, когда на полѣ брани стала рѣшаться судьба Отечества!

Единственный сынъ у старухи—матери, Стефанъ не былъ взятъ въ ряды арміи, но хотя онъ оставался дома, при семьѣ, сердце его было тамъ на передовыхъ позиціяхъ съ родными по крови и духу. Жадно ловилъ онъ извѣстія съ поля брани, радостно волновался при удачахъ нашихъ войскъ, скорбѣлъ при неудачахъ и горѣлъ желаніемъ послужить родному воинству.

Наступила осень 1915 года. Наши доблестныя войска принуждены были за отсутствіемъ снарядовъ отступать, но отдавали они каждую пядь русской земли съ бою. Каждая мало-мальски подходящая позиція была использована нашими войсками для цѣлей обороны. Не могли они отдать безъ использованія и такой позиціи, какъ рѣка Иква, при которой лежала деревушка Ба-

болоки. Вотъ тутъ-то и представился случай Стефану Веремчуку услужить родной арміи и покрыть себя безсмертіемъ.

V.

„7 сентября 1915 года,—читаемъ мы сообщеніе командующаго пѣхотной дивизіей генераль-маіора Нечволодова,—какъ только части 76 пѣхотнаго Кубанскаго полка подошли къ правому берегу рѣки Иквы, крестьянинъ деревни Баболоки, Княгининской волости, Дубенскаго уѣзда, Волынской губерніи Стефанъ Веремчукъ, 30 лѣтъ отъ роду, переправился на лодкѣ съ противоположнаго берега изъ своей деревни и доложилъ командиру 2-й роты названнаго полка, подпоручику Лисыцыну, о силѣ и расположеніи противника, занимавшаго позицію на лѣвомъ берегу Иквы, у деревни Баболоки, послѣ чего немедленно возвратился къ своимъ односельчанамъ, укрывшимся въ вырытыхъ ими ямахъ. Сообщение Стефана Веремчука оказалось существенно важнымъ. На другой день утромъ Стефанъ Веремчукъ, видя, что группа развѣдчиковъ хочетъ переправиться черезъ рѣку Икву, быстро переѣхалъ черезъ нее въ лодкѣ и перевезъ ихъ по очереди, такъ какъ лодка была небольшая. Затѣмъ Стефанъ показалъ развѣдчикамъ тѣ окопы, которые занимались австрійцами, послѣ чего они прошли черезъ село и направились къ лѣсу.

Непріятель, замѣтивъ русскихъ, открылъ по нимъ сильный огонь и, видя ихъ малочисленность, перешелъ въ наступленіе; подъ натискомъ противника развѣдчики бросились черезъ село къ рѣкѣ. По словамъ присутствовавшихъ при этомъ односельчанъ Стефана, одинъ изъ отходящихъ солдатъ сказалъ находящемуся съ ними Веремчуку: „ну, теперь мы пропали, не избѣжать намъ смерти или плѣна“. Стефанъ успокоилъ ихъ словами: „Надѣйтесь на Бога—Онъ васъ спасетъ“, и посоветовалъ имъ не бѣжать вразбродъ, а самъ побѣжалъ къ рѣкѣ, подготовилъ лодку, и, подогнавъ ее къ берегу, крикнулъ: „теперь по одному въ лодку, ложись, перекрестись и съ Богомъ, лодку я буду гнать“. При этомъ и самъ снялъ шапку, перекрестился и сталъ переправлять развѣдчиковъ.

Помогая высаживаться изъ лодки одному изъ нихъ, онъ по словамъ очевидцевъ, взмахнулъ руками, пуля попала ему въ бедро на вылетъ.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на рану, онъ отправился за оставшимися развѣдчиками и перевезъ ихъ всѣхъ. Залегшіе на нашемъ берегу солдаты и перевезенные развѣдчики не пускали Стефана назадъ и убѣждали его не возвращаться въ деревню, увѣряя, что его убьютъ, но Стефанъ умолялъ ихъ, отпустить его, такъ какъ у него была семья, и со словами: „я еще ну-

женъ своимъ односельчанамъ“ погналъ лодку обратно. Причаливъ лодку и выйдя на берегъ, Стефанъ, по словамъ слѣдившихъ за нимъ нѣкоторыхъ односельчанъ и солдатъ, тутъ-же упалъ отъ потери крови. Затѣмъ всталъ и пробѣжалъ до конолланнаго поля, вновь упалъ, потомъ поползъ по этому полю на четверенькахъ, направляясь къ своей хатѣ. Непрiятель къ тому времени вновь занялъ окопы около рѣки, а также помѣстился въ уцѣлѣвшихъ отъ пожара восьми хатахъ. Когда Стефанъ былъ уже близко отъ своей хаты, нѣсколько мадьяръ бросились къ нему и затащили его къ себѣ въ ближайшій окопъ.

Многіе изъ жителей слышали, какъ онъ кричалъ при этомъ: „Ой, ратуйте, православніи, я-жъ Васъ выручавъ!“ Изъ окопа, куда втащили Стефана, неслись душу раздирающіе крики и стоны. Сидѣвшіе въ ближайшей къ этому окопу ямѣ крестьяне передаютъ, что онъ кричалъ: „за васъ, православни, за Царя муки прiймаю“ и много разъ повторялъ, обращаясь къ любимой имъ матери: „ой, мамо, мамо, якъ мени тяжко“. Ближайшимъ къ окопамъ жителямъ слышно было, какъ ему чѣмъ-то затыкали ротъ такъ какъ стоны его дѣлались болѣе глухими. Долго слышались эти заглушенные стоны несчастнаго, по словамъ опрошенныхъ, часовъ около двухъ.

Къ утру слѣдующаго дня, 9 сентября, мадьяры подъ натискомъ нашихъ войскъ ушли за деревню къ лѣсу, на вторую линію окоповъ.

Жена Стефана Веремчука, Епистимія, не видя до сего времени мужа и узнавъ отъ проходящихъ мимо, что Стефанъ наканунѣ ползъ, волоча ногу и зывая: „ои, братцы, ратуйте“, пошла искать его и нашла въ шагахъ тридцати отъ своей хаты передъ окопомъ, куда его выбросили австрійцы.

По словамъ жителей, наблюдавшихъ, какъ ползъ Веремчукъ, никто изъ нихъ не рѣшался ему тогда помочь, такъ какъ въ это время начался уже сильный артиллерійскій (огонь) и ружейный бой.

При осмотрѣ трупа, по свидѣтельству жителей и семьи покойнаго Стефана, оказалось что кромѣ огнестрѣльной раны, было нѣсколько колотыхъ, руки были порѣзаны, плечи подрублены съ пересѣченіемъ ключицъ, сухожилія подъ колѣнами перерѣзаны, а концы сухожилий вытянуты, лицо разбито, въ ротъ въ большомъ количествѣ набита глина. Кромѣ того, по показанію чиновъ 76 пѣхотнаго Кубанскаго полка, 9 сентября занявшихъ деревню, у Стефана были вырѣзаны мышцы на груди, на спинѣ, на рукахъ и ногахъ. Жена покойнаго Стефана просила солдатъ сдѣлать для него гробъ, но для этого не было ни времени, ни матеріала. Поэтому крестьяне, омывши тѣло мученика, одѣли на него чистое бѣлье и такъ предали землѣ на

мѣстномъ кладбищѣ. Креста не удалось поставить, но жена и односельчане точно знаютъ мѣсто, гдѣ онъ погребенъ.“

VI.

Таково официальное описаніе подвига и безпримѣрныхъ страданій нашего земляка-мученика. Трудно было бы сейчасъ дополнить это безпристрастное описаніе внесеніемъ новыхъ подробностей, но и того, что пишетъ генераль-маіоръ Нечволодовъ, вполне достаточно для того, чтобы составить себѣ ясное понятіе о величii и красотѣ жертвы Веремчука на алтарь Отечества. Не забудетъ этой жертвы Великая Россія и уже теперь она оцѣнила подвигъ волынскаго крестьянина. Съ высоты Царскаго Престола Всемилостивѣйше повелѣно: 1) назначить пенсію матери и вдовѣ покойнаго Стефана Веремчука, первой въ размѣрѣ 120 рублей въ годъ, а второй въ размѣрѣ 240 рублей въ годъ, 2) Малолѣтнихъ сыновей его Макарія, Леонтія и Θεодора опредѣлить по достиженіи ими соотвѣтствующаго возраста на казенный счетъ въ одно изъ учебныхъ заведеній, по усмотрѣнію матери, со спеціальнымъ сельско-хозяйственнымъ образованіемъ. 3) Разрѣшить открыть повсемѣстную подписку и сборъ на постановку памятника-часовни на могилѣ-мученика. 4) Предписать настоятелямъ всѣхъ мірскихъ и монастырскихъ церквей путемъ проповѣдей и бесѣдъ объяснить прихожанамъ глубокой смыслъ и значеніе праведной жизни и высокаго подвига Стефана Веремчука и 5) въ виду чистой и глубоко религіозной жизни Стефана Веремчука, описаніе жизни и подвига, составленное по показаніямъ семьи покойнаго, его односельчанъ и чиновъ 76 пѣхотнаго Кубанскаго полка, бывшихъ очевидцами геройскаго подвига и мученической кончины Веремчука, издать для широкаго распространенія какъ среди всѣхъ частей и командъ русской арміи, такъ и повсемѣстно среди мѣстнаго населенія Имперіи.

Такъ Русскій Царь ознаменовалъ подвигъ своего вѣрнаго слуги, положившаго жизнь свою за други своя. Ближайшіе царскіе слуги также воздали должную дань мужеству волынскаго крестьянина, нашедшаго себѣ смерть при такихъ обстоятельствахъ. Командующій арміями юго-западнаго фронта назначилъ вдовѣ Стефана Веремчука единовременное пособіе въ размѣрѣ 200 рублей, а генераль-маіоръ Нечволодовъ принялъ на себя обязанности попечителя осиротѣвшей семьи Веремчука. До окончанія войны онъ устроилъ эту семью въ Воскресенскомъ монастырѣ у ст. Плюссы, сѣверо-западныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Тамъ подъ гостепрiимнымъ кровомъ обители, семья героя нашла себѣ полный миръ и отдыхъ, послѣ пережитыхъ тревоженій, какъ на-

шелъ себѣ вѣчный покой во блаженной кончинѣ самъ приснопамятный страдалецъ герой—Стефанъ Веремчукъ.

Пройдутъ года, пройдутъ вѣка, а Русь все же будетъ помнить своего сына-героя. Скромнымъ, можетъ быть, будетъ памятникъ на его могилѣ, но неизгладима будетъ память его на страницахъ исторіи. Разсказъ о страданіяхъ и подвигѣ Веремчука воспитаеъ не одно поколѣніе въ преданности Царю и Отечеству и семья чудо-богатырей героевъ на Руси не оскудѣетъ. Сотрется съ лица земли нынѣшній нашъ звѣро-нравный врагъ, а кроткая Святая Русь возсіяетъ яко насадительница мира мірови. Исчезнетъ сѣмя Вильгельмово яко прахъ предъ лицомъ вѣтра и имя его во вѣки вѣчныя будетъ проклинаемо. Благословится же во вѣкъ вѣка народъ русскій и слава Царей нашихъ пребудетъ и безконечно умножится.

Священникъ Петръ Антоновичъ.

Правда о менонитахъ*).

(С. Д. Бондарь. Секта менонитовъ въ Россіи. Очеркъ. Стр. 207 + XXXIII. Петроградъ, 1916 годъ., цѣна 2 рубля).

1.

Скромно названная очеркомъ, эта книга, въ сущности, представляетъ собой точно обоснованную на документахъ и первоисточникахъ исторію именно той вѣтви нѣмецкаго нашествія на Россію, которая пользовалась наибольшими преимуществами, наиболѣе сильнымъ покровительствомъ и въ то же время болѣе другихъ внесла противорѣчій въ земельное устройство крестьянъ.

Полное небреженіе къ государственнымъ повинностямъ, рѣзкая общественная исключительность, неразрывныя связи съ ядромъ и родиной „героизма“—Пруссіей, упорная и настойчивая пропаганда штунды—вотъ тѣ отличительныя черты менонитскаго быта, которыя должны, казалось бы, лечь въ основу, „переоцѣнки“ нашего официальнаго отношенія къ нѣмецкому вопросу и, въ частности, къ преимуществамъ менонитовъ.

*). Редакція даетъ мѣсто этой замѣткѣ потому, что вопросъ о менонитахъ особенно въ связи съ освобожденіемъ ихъ отъ военной службы представляетъ собою одну изъ областей примѣненія у насъ въ Россіи мирно-завоевательныхъ стремленій нѣмцевъ. Этотъ вопросъ особенно ярко подчеркиваетъ необходимость осторожнаго обращенія съ терминомъ „свободы вѣроисповѣданія“.

Начало иностраннаго переселенія въ Россію совпадаетъ съ восшествіемъ на престолъ императрицы Екатерины II, поставившей своей задачей „имѣть попеченіе и труды о тишинѣ и благоденствіи ввѣренной отъ Бога пространной Имперіи и о умноженіи ея обитателей“.

Послѣднее особенно озабочивало императрицу въ первые годы ея царствованія. Уже 4 декабря 1762 г. былъ изданъ особый манифестъ приглашавшій иностранцевъ переселяться въ Россію, который былъ переведенъ на всѣ иностранные языки и разосланъ русскимъ представителямъ за границей для широкаго распространенія въ странахъ, въ которыхъ они были аккредитованы. Но этого оказалось мало. Въ іюлѣ слѣдующаго года появляется уже дополнительный манифестъ, возвѣщавшій широкія льготы для иностранныхъ выходцевъ въ Россіи. Ихъ везли на казенный счетъ; давали имъ значительные земельные участки (65 дес.); разрѣшали селиться гдѣ угодно и заниматься чѣмъ угодно; обеспечивали имъ свободу вѣроисповѣданія, далеко не обеспеченную и для русскихъ подданныхъ, разрѣшали строить фабрики и заводы, съ правомъ приобрѣтать крѣпостныхъ людей для ихъ обслуживания; предоставляли право беспошлинной торговли въ теченіе 10 лѣтъ; разрѣшали имѣть даже свою особую, внутреннюю юрисдикцію.

Для привлеченія колонистовъ былъ изданъ даже особый кадръ вербовщиковъ и „вызывателей“, которые дѣятельно принялись за работу. Въ результатъ съ 1763 по 1766 годъ въ одно только Поволжье было принято 22.800 душъ обоого пола (6.342 семейства) переселенцевъ, исключительно нѣмцевъ.

Огромное большинство этихъ переселенцевъ представляло собой не что иное, какъ самый разнохарактерный, обнищавшій и нравственно распущенный сбродъ, или по выраженію самихъ колонистовъ, „der Abschaum Deutschlands“ (г. е. накинъ, подонки Германіи). Вызыватели направляли въ Россію всякаго, кто бы ни пожелалъ, не считаясь съ его нравственными качествами.

Эта неразборчивость оказалась тѣмъ болѣе вредной, что отъ колонистовъ ждали подъема культуры, между тѣмъ

эмигрировалъ въ Россію, главнымъ образомъ, городской западно-европейскій пролетаріатъ, оборванцы и пропойцы изъ разныхъ слоевъ общества. Среди переселенцевъ находились и промотавшіеся офицеры, художники, студенты, купцы, ремесленники и даже бѣжавшіе отъ правосудія преступники. Всего менѣе было сколько-нибудь благонадежныхъ земледѣльцевъ.

Но въ то время центральная власть была лучше освѣдомлена о томъ, что происходитъ внутри и эта печальная ошибка не укрылась отъ взоровъ правительства Екатерины. Нѣмецкая колонизація была прекращена въ 1766 году. Однако, присоединеніе Новороссіи, послѣ побѣдоносныхъ войнъ съ Турціей, снова выдвинуло на очередь вопросы колонизаціи и иностранное